

# ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11(2)  
2020

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

## СОДЕРЖАНИЕ

### СТАТЬИ

- С.В. Куликов** — Был ли консерватором Николай II? Политические взгляды последнего самодержца и его политический ритуал ..... 4
- А.А. Чемакин** — Южно-Русский национальный центр В.В. Шульгина: идеология, деятельность и влияние на Белое движение ..... 29
- М.Ф. Полинов** — «Красногвардейская атака на алкоголь». Антиалкогольная кампания в СССР в годы перестройки (1985—1988) ..... 45
- А.А. Гончарова, Е.М. Савичева, В.И. Юртаев** — Исламский фактор в историко-политических процессах на Ближнем Востоке: новые реалии и тенденции ..... 58

### СООБЩЕНИЯ

- Е.Ю. Рукосуев, Г.Н. Шумкин** — Производство кирас заказа 1846 г. на Златоустовской оружейной фабрике .. 69
- В.Н. Рожков** — Саамский компонент в средневековой истории и топонимии Волго-Окского междуречья ..... 82

### В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- Н.А. Жиров** — Сельская школа в повседневной жизни крестьянства аграрного центра России во второй половине XIX — начале XX в. .... 99

Выходит  
с 1926 года  
ООО  
ЖУРНАЛ  
«ВОПРОСЫ  
ИСТОРИИ»  
Москва

## МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Ли Эрюн** — История русской эмиграции в Китае: национальная и культурная идентичность ..... 109
- Д.Р. Алимova, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, Д.А. Пашенцев** — Исторические этапы развития отечественного законодательства: от имперских традиций к цифровым новациям ..... 118
- С.Б. Бальхаева, А.Я. Капустин, О.А. Символоков, И.А. Шулятьев** — Эволюция форм международного научно-технического сотрудничества в СССР и Российской Федерации ..... 125
- В.С. Калиновская, Е.Г. Малькова, Д.А. Пашенцев, А.А. Сафронова, В.А. Шестак** — Роль С.Ю. Витте в развитии Российской империи в конце XIX — начале XX в. .... 134
- В.А. Кузбагарова, Е.В. Майстрович, Е.В. Розанова, С.В. Степашкин, И.П. Юр** — История гражданских и политических прав во Франции..... 141
- Х.Х. Джураев** — История школы каллиграфии и оформление рукописных книг в Средней Азии (XV—XX вв.) .. 147
- Д.Р. Троитино, Т. Керикмяз, О. Шумило** — Маргарет Тэтчер и Европейский союз ..... 154

## НАРОДЫ РОССИИ

- Е.С. Арляпова, Е.Г. Пономарёва** — Депортация чеченцев и ингушей в демографическом измерении ..... 169

## ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- П.С. Гребенюк** — Руководящие кадры и изменения в общественно-политической жизни на Северо-Востоке СССР в 1954—1957 гг. .... 183
- Н.С. Кенжаева** — Экспедиция Н.Л. Корженевского на Памир в 1923 г. (фрагменты полевого дневника)..... 201
- М.К. Нагиева, М.М. Амирханова, М.И. Абдулаева, З.Н. Гаджиева, А.Х. Алиева** — Политика выдвиженчества в решении кадрового вопроса в Дагестане в 30-х гг. XX в. .... 220
- В.В. Фортунатов, И.П. Киселёв** — Августин де Бетанкур — министр транспорта Российской империи..... 226

- Е. А. Ростовцев, Д. А. Баринов** — Столичная и провинциальная профессура российских университетов: опыт просопографического исследования (1884—1917) ... 237
- В. А. Бердинских** — Устная история и молодые историки 250

### **ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ**

- П. Я. Циткилов** — Кризис русского религиозного сознания как фактор революционной прерывности в России начала XX в. .... 254

### **ИСТОРИЯ И ПРАВО**

- В. И. Долинко** — Противодействие злоупотреблениям при государственных закупках: исторический и уголовно-правовой аспекты..... 268

### **ИСТОРИОГРАФИЯ**

- Д. В. Боднарчук** — Историография конца XX — начала XXI в. понятия «Запад» в российском обществе ..... 276

# Экспедиция Н.Л. Корженевского на Памир в 1923 г. (фрагменты полевого дневника)

Н.С. Кенжаева

---

*Аннотация.* В статье впервые публикуются выдержки из хранящегося в Национальном архиве Узбекистана полевого дневника Н.Л. Корженевского, который он вел во время экспедиции на Памир в 1923 г. Эти записи позволяют более подробно и всесторонне изучить работу первой советской научной экспедиции на Памир. Также приводятся некоторые биографические сведения о Н.Л. Корженевском и библиографические данные о его трудах.

*Ключевые слова:* Н.Л. Корженевский, дневник экспедиции 1923 года, Памир, научная экспедиция, Национальный архив Узбекистана.

*Abstract.* This article is the first to publish excerpts from the field diary of N.L. Korzhenevsky, kept in the National archive of Uzbekistan, which he kept during an expedition to the Pamirs in 1923. These records allow for a more detailed and comprehensive study of the work of the first Soviet scientific expedition to the Pamirs. Some biographical information about N.L. Korzhenevsky and bibliographic data about his works are also provided.

*Key words:* N.L. Korzhenevsky, 1923 expedition diary, Pamir, scientific expedition, National Archives of Uzbekistan.

---

В Национальном архиве Узбекистана (НАУз), который до 2019 г. назывался Центральным государственным архивом Республики Узбекистан (ЦГА РУз), хранится личный фонд Николая Леопольдовича Корженевского (фонд Р-2273). К сожалению, он недостаточно изучен и мало привлекал внимание исследователей. В описи 1 фонда значится единица хранения за № 59, озаглавленная «Н.Л. Корженевский. Дневник экспедиции на Памир». На обложке дела указано, что его объем составляет 21 лист с оборотами, а также указаны крайние даты: 7 июля — 23 сентября 1923 г. В деле содержится тетрадь (размером примерно 17,5x20,5 см) в коленкоровой обложке темно-коричневого цвета. Листы в тетради исписаны характерным почерком Николая Леопольдовича: то простым карандашом, то чернилами или тушью. Судя по всему, записи делались в дороге, на ходу или в седле, в полевых условиях; слова сокращены, часто текст трудно разобрать, но в целом он читаем. На первой странице карандашом наискосок

---

*Кенжаева Наргиза Соатмуминовна* — докторант Чирчикского государственного педагогического института Ташкентской области. E-mail: kenjaeva82@inbox.ru.

*Kenjaeva Nargiza S.* — doctoral student of the Chirchik State Pedagogical Institute of the Tashkent region. E-mail: kenjaeva82@inbox.ru.

---

написано «Эксп[едиция] на Памир 1923 года. И. А. Райкова <sup>1</sup>, [И.И.] Бездека <sup>2</sup>, С.А. Полозов». Имя самого автора дневника, Н.Л. Корженевского, отсутствует. К сожалению, нам не удалось обнаружить использования и даже упоминаний этого источника в научных публикациях, поэтому, на наш взгляд, он заслуживает более пристального внимания. Стиль дневника сух и деловит, но эти документальные свидетельства весьма интересны, и не в последнюю очередь тем, что в них отражен совершенно новый этап как в научном изучении Памира, так и в жизни самого Н.Л. Корженевского.

Николай Леопольдович Корженевский был далеко не новичком в исследовании Памира. Родился он 19 февраля 1879 г. в Невельском уезде Витебской губернии, в селении Завережье. Отец его был дворянином литовского происхождения, а мать поляка, как писал сам Николай Леопольдович в автобиографии. В дальнейшем родители переехали в Костромскую губернию. Вырос Н.Л. Корженевский в усадьбе Нероново Солигаличского уезда, где отец был управляющим. После окончания в 1897 г. костромского реального училища Николай Леопольдович собирался поступить в университет. Но из-за тяжелой болезни отца и трудного материального положения семьи Н.Л. Корженевскому пришлось поступить в Киевское военное училище. Окончив его с отличием в 1901 г. в чине подпоручика, он, несмотря на то, что имел возможность выбрать для службы любой регион и город в европейской части Российской империи, предпочел службу в Оше — захолустном городке на окраине Туркестанского генерал-губернаторства. Уже тогда проявилось его стремление к изучению Памира, ведь именно этот городок был отправной точкой большинства экспедиций в отдаленный и загадочный край <sup>3</sup>.

В 1903 г. Н.Л. Корженевскому наконец-то удалось попасть на Памир. Штабом Туркестанского военного округа ему было поручено организовать беспроволочный телеграф для нужд Памирского отряда. Кроме того, Николай Леопольдович взялся выполнить еще целый ряд научных задач: для Общества акклиматизации «собрать семена и корневища цветущих или душистых высокогорных растений. Приложить и засушенные растения для определения вида и краткие сведения: на какой почве, высоте и прочее»; для Общества земледения ему необходимо было провести «наблюдение над световыми явлениями на больших высотах...»; для Горного общества — «Описание путешествия с фотографиями; метеорологический журнал; собрание горных пород и минералов; формы оледенений ледника, морены, мощность, движение, характер, форма поверхности в связи с физическими и геологическими условиями; Зорь-куль. Полное описание и исследование органической жизни; гербарий; черепа животных; туземцы (раса, рост, форма головы, цвет волос и глаз, быт, одежда)...» <sup>4</sup>

После подготовки и получения необходимых приборов Николай Леопольдович 10 (22) июня <sup>5</sup> 1903 г. во главе небольшой группы отправился в свою первую поездку на Памир. Экспедиция вернулась в Ош 1 (12) августа, пройдя за 50 дней около 1500 км <sup>6</sup>.

На следующий год Н.Л. Корженевский совершил две поездки на Памир, в верховья Мук-су — с 19 июня (2 июля) по 5 июля (18 июля) и 8—28 сентября (21 сентября — 11 октября) <sup>7</sup>. В 1905 г. он предпринял

поездку на Алай, где открыл два неизвестных ранее перевала, ведущих на Памир и имеющих значение для военных и экономических целей — перевалы Шют и Кальта-боз <sup>8</sup>.

В 1905 г. Николай Леопольдович женился на Евгении Сергеевне Топорниной, дочери Сергея Ивановича Топорнина, начальника 10-го Туркестанского стрелкового батальона, где служил подпоручик Н.Л. Корженевский. На пять лет Корженевские покинули Туркестан и вернулись сюда только к 1910 г. В этом же году Николай Леопольдович вновь отправляется на Памир. Во время этого путешествия, 10 (22) августа, был открыт неизвестный ранее пик, названный им в честь супруги — «Пик Евгении Корженевской» <sup>9</sup>. Последняя поездка Н.Л. Корженевского на Памир в дореволюционный период состоялась в 1914 г.

Во время Первой мировой войны Николай Леопольдович был на фронте. Затем после Февральской революции, будучи уже в чине полковника, 25 марта (7 апреля) 1917 г. он вернулся в г. Скобелев (ныне Фергана, Узбекистан). Поработал здесь учителем в школе и в ноябре 1918 г. был призван в Красную Армию. В 1920 г. по распоряжению М.В. Фрунзе Корженевский был назначен начальником снабжения Туркестанского фронта. Тогда же он стал одним из организаторов военного факультета в Туркестанском государственном университете, а 15 мая 1922 г. был утвержден в должности профессора на кафедре географии Туркестана, которую и возглавил <sup>10</sup>. В дальнейшем Корженевский стал и профессором физико-математического факультета, а также факультета обществоведения <sup>11</sup>.

После того как 8 июля 1921 г. на Алма-Ату обрушился страшный сель, Водхозом Туркестанской автономной советской социалистической республики (ТАССР) была организована экспедиция для изучения причины произошедшей катастрофы. Одним из членов ее был Н.Л. Корженевский <sup>12</sup>. Тогда же совместно с геологом С.Ф. Машковцевым он посетил верховья реки Аксу на северном склоне восточной части хребта Кугней-Актау для изучения ледников, питающих эту реку <sup>13</sup>. На следующий год, летом 1922 г. была организована экспедиция в пустыню Муюн-кум под руководством Николая Леопольдовича <sup>14</sup>.

Экспедиция на Памир 1923 г. была подготовлена по инициативе Туркестанского отдела Русского географического общества (ТОРГО), которому, по словам Н.Л. Корженевского, принадлежало «идейное руководство сложным делом». Кроме того, в организации и «материальном содействии» экспедиции принимали участие такие учреждения как Совнарком ТАССР, который способствовал «выдаче каждому участнику теплого обмундирования» и отпуску средств «для обработки фото и кино-съемок, производившихся экспедицией на Памире». Помощь в организации также была оказана Штабом Туркестанского фронта, предоставившим для передвижения экспедиции 8 верховых и 6 вьючных лошадей, а также конвой из четверых красноармейцев. Все это было выделено из состава войск Ферганской группы и предоставлено экспедиции в Андижане. Названная группа войск также обеспечивала экспедиции безопасность «при передвижении по районам с неликвидированным еще басмачеством». Некоторые средства были отпущены экспедиции Туркестанским метеорологическим институтом, поручившим исследователям доставить и восстановить метеорологическую станцию на Памирском посту, разру-

шенном «басмачами». Также им были выделены инструменты для метеорологических наблюдений и определения высот пунктов по маршруту следования. Управление работ по охране железной дороги от размылов (Урабтуркжел) выделило небольшие средства для сбора сведений о состоянии Сарезского озера <sup>15</sup>.

Как 19 июня 1923 г. сообщал в Реввоенсовет Туркестанского фронта заместитель председателя СНК ТАСССР С.Д. Асфендияров <sup>16</sup>, основными целями, поставленными перед экспедицией, являлись:

- 1) восстановление на Памирском посту метеорологической станции, имеющей мировое значение;
- 2) исследование ледников и топографическая съемка неизвестной области по реке Танымас;
- 3) этнографические, зоологические и ботанические исследования;
- 4) фотографические работы <sup>17</sup>.

Из сохранившихся в архивах документов также следует, что Н.Л. Корженевский, видимо, не без оснований опасался долго отсутствовать дома и имел сомнения по поводу своего участия в экспедиции. Это было связано со знаменитым Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР № 227 «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» <sup>18</sup>. Николай Леопольдович справедливо опасался, что в его отсутствие жилье, в котором он проживал с женой, могут «уплотнить». Дабы оградить себя от подобной опасности, Н.Л. Корженевский потребовал от Совнаркома ТАСССР удостоверение о том, что его квартира во время его пребывания в экспедиции «уплотнению и занятию другими лицами не подлежит» <sup>19</sup>.

Однако даже удостоверение Совнаркома Республики не давало, по мнению Николая Леопольдовича, гарантии от «уплотнения» жилья. Поэтому Секретариат СНК 19 июня 1923 г. обратился в канцелярию Реввоенсовета Туркфронта:

«Профессору Корженевскому, отбывающему на Памир с научной экспедицией, Совнаркомом выдано удостоверение, охраняющее от уплотнений и занятия его квартиры в доме № 62 по Жуковской улице. Секретариат просит выдать т. Корженевскому, как преподавателю повторных командных курсов, от Реввоенсовета подобное удостоверение, дабы дать полную гарантию в том, что квартира по возвращении т. Корженевского останется за ним» <sup>20</sup>.

Стоит сказать, что эта экспедиция хорошо иллюстрирует дальновидность новых большевистских властей Туркестана, осознававших важность дальнейшего изучения территории Средней Азии и в частности такого отдаленного региона как Памир. При этом существовал и некоторый риск для участников экспедиции, так как не стоит забывать, что антибольшевистское сопротивление в регионе было только недавно подавлено <sup>21</sup>, отдельные очаги напряжения продолжали сохраняться. Следует помнить и о значительных финансовых трудностях ТАСССР. Однако, несмотря на все это, было принято решение отправить на Памир научную экспедицию. О том, что следует использовать природные богатства памирских недр, еще летом 1922 г. докладывал И.Д. Ягелло, бывший в 1914—1916 гг. начальником Памирского отряда, а в то время занимавший в крае должность начальника курсов востоковедения и разведки <sup>22</sup>, ответственному



секретарю ЦК Компартии Туркестана Н. Т. Тюрякулову: «Памиры, как по китайским и английским источникам, так и по сведениям туземцев, богаты всякого рода минералами и металлами... Говоря короче, на Памирах имеются всякого рода руды и минералы (золото, серебро, свинец, медь, железо, каменный уголь, сера, селитра и др.)»<sup>23</sup>

О ходе экспедиции на Памир 1923 г. под руководством Н. Л. Корженевского в 1924 г. был опубликован «Краткий отчет о поездке на Памир летом 1923 г.»<sup>24</sup> В нем содержатся основные сведения об экспедиции. Однако от этого рассматриваемый нами дневник экспедиции не теряет своего значения. Оба источника не дублируют, а дополняют сведения друг друга, давая более полную картину хода экспедиции.

В одной из первых записей в дневнике сообщалось, что члены экспедиции 17 августа вышли на Памир из Оша в 10.30 утра и прибыли в Лянгар в 7 часов вечера: «Звездн[ая] мгла. Души нет. Рабат разрушен совершенно; есть гузар при мельнице на реке. Ехали с ветерин[арным] врачом, направл[явшимся] в Иркештам» (л. 3).

В это время антибольшевистское сопротивление еще не было сломлено до конца и сохранялась опасность нападения «басмачей». Так, 19 августа экспедиция, добравшись до Гульчи, остановилась на ночевку в рабате. Далее в дневнике сообщается что ночью «переполошились внезапно в крепости и крики... Думали, басмачи. Оказалось учение» (л. 3об).

Трудности при движении экспедиции возникали и с совершенно неожиданной стороны. Так, например, 20 августа произошло следующее: к моменту отъезда экспедиции из Гульчи обнаружилось, что «как это всегда бывало... весь ревком в полном составе уехал на поминки в аул и [здесь] остался один киргизский учитель, расхлебавший с нами создавшееся положение вещей. Едва выбрались в 8.15 предводимые муллой, направлявшимся в тот же аул. Кончилось тем, что встреченный по дороге ревком послал из Гульчи за нами старшину, тот поймал в Кизилкургане киргиза, отвозившего хлеб, и тот вот уже второй день путается с нами за джигита, в тщетных поисках заместителя и властей. Выехали из Суфи в 8.00 утра и пришли сюда в 6 ч. веч[ера]. Укрылись в разрушен[ной] телеграфн[ой] ст[анции] приспособленной стоявшим здесь пикетом пограничников к обороне и перекрытой земляной крышей». На следующий день, 21 августа, «не дождав[шись] [ни] старшины, ни посланного джигита, я послал красноарм[ейц]ев за кутасами, кои паслись около сенокоса зимовок. Через несколько минут к моему удивлению без жалоб и крика явился киргиз с кутасом и охотно взялся перевезти наши вещи. Оказалось что это брат Кунабая<sup>25</sup>. Я очень обрадовался такому обороту дела, т.к. с помощью моего старого знакомого, скорее всего можно разрешить вопрос о дальнейшей дороге. Немного [времени] спустя явился и сам Кунабай, узнал меня и около 12 ч. дня мы торжественно поехали к нему в аул. В уроч[ище] Усоя и у Сарыташа по его словам нет киргиз, как равно нет их и на Бордабе, Каракуле, Кок-джаре и т.п. Здесь резали барана и толковали о Памире. По-видимому, дадут верблюда и проводника» (л. 4—5).

Довольно много хлопот создавала доставка метеорологической станции на Памирский пост, что являлось одной из задач экспедиции. Для того чтобы получить перевозочные средства, Н. Л. Корженевскому даже



приходилось прибегать к своеобразным угрозам: «Только пригрозив Кунабаю, что я оставлю метеорол[огическую] ст[анцию] на его попечение и ответственн[ость] удалось отбить лошадей и киргиза для направления станции на пост. Проводником... вызвался брат Кунабая — Джиран — симпатичный, бывалый киргиз» (л. 5об).

24 августа в 5 часов вечера экспедиция прибыла в Бор-дабу. Остановились в «том же мертвом рабате к[ото]ром когда-то останавливался я (Корженевский. — *Н.К.*)» (л. 6). На следующий день экспедиция выступила в путь в 7 ч. утра. Погода была хорошая.

Хотя стиль дневника довольно суховат, встречаются и описания природы. Например, двигаясь с места ночлега в рабате на Бар-добе к перевалу Кизил-арт, путешественники встретили архаров, но полюбовались ими только издали. «Много по дороге сурков. Ледник стеной лежит с Кизил-арта видно только издали на перевале в 12.30» (л. 6). Вечером в 9 часов вечера экспедиция подошла к озеру Кара-куль, все были «основательно усталые. С перевала спускались при луне горевшей как фонарь — удивительно ярко» (л. 6об). Здесь члены экспедиции остановились в рабате Тукур-бай.

Ранним утром 26 августа были проведены некоторые исследования озера Кара-куль:

«Утро на озере прекрасное. Небо синее безоблачное и озеро тихое. Пошли утром на озеро. Снял его кинематографически в этих видах. Температура воды в нем в 15 арш[инах] от уреза воды +11,5. Вкус воды в озере слабо горьковатый, в начале сладковатый. Можно пить, пожалуй. Скот и лошади, по словам наших киргизов, пьют ее охотно. Измерял максимальное расстояние уреза воды озера от восточного угла рабата на SSW <sup>26</sup> при движении вперед получилось 1479 саж[еней] и обратно 1480... Т[аким] образом до озера всего 528.5 саж[еней] т.е. чуть не в три раза меньше чем это следует по 10-в[ерстной] карте. Это интересно. На плоском берегу видны различные кустики *Asragalus*'а <sup>27</sup> и *Polygonum*'а <sup>28</sup>. На Кара-куле встречаем чаек, ласточек и зайца около рабата» (л. 7).

Закончив измерения на озере, экспедиция выступила из рабата на Кара-куле «в 8.30 пасмурным утром. Солнце только изредка проглядывает... Идя восточ[ным] берегом озера можно было увидеть, что озеро сильно прибыло. Берег на большое расстояние залит водой, и теперь побережье все в островках и полуостровках. Дороги залиты... Валуны гл[авным] обр[азом] гранитные. Дальше к Музколу граниты почти исчезают... В версте от границы морены начинаются высокие бугры... по-видимому тоже в связи с древним ледником. У могилы Оксалы начинаются музкольские морены и весь ландшафт принимает удивит[ельно] типичный ледяной характер. Лед на Музколе весь растаял, и это было большой неожиданностью... Рабат также плох...» (л. 7—7об). Двигаясь вдоль берега Кара-куля, экспедиция встретила часть «Пам[ирского] отряда с врачом и больными. Издали приняли [их], (а они нас) за басмачей» (л. 7об).

28 августа экспедиция была уже на Муз-коле. Двигаясь дальше, в 12.45 были уже на перевале Ак-байтал. Погода была пасмурная, шел небольшой дождь. На ночь остановились в рабате Ак-байтал в 7 ч. вечера. «Ночью выпал снег и дальше на пост мы поехали почти на голодных

лошадях т.к. трава была с вечера под снегом. Рабат стоит на устье р. Карумды у начала ледниковых морен, в отложениях из изменения этой речки» (л. 8).

На Памирский пост экспедиция прибыла 29 августа в 6 часов вечера. Встретили экспедицию радушно, ведь помимо прочего она привезла известие о скорой смене состава отряда. 30 августа Н.Л. Корженевский целый день устанавливал привезенную метеостанцию. В дневнике он записал: «Сейчас инструктирую в наблюдениях военкома поста некоего Костина. Очень я рад, что удалось дотащить эту станцию [на] Памирский пост» (л. 8—8об).

Перед поездкой Н.Л. Корженевский получил в пользование в Ташкентском отделении Госкино киноаппарат для съемки<sup>29</sup>, которым он активно пользовался на Памире как во время экспедиции 1923 г., так и в последующих. Вот, например, что по этому поводу записано в дневнике:

«31 августа

С утра безоблачно небо прекрасно. Видна шапка пика Мустаг-ата.

Снял долину Мургаба с ней на заднем плане...

Снимал заросли терескена и снял его кинематографически. Завтра думаю поснимать киргизов» (л. 8об).

«2 сентября

Вчера ездил в аул местного мингбаши Ша-Киргиза. Ездил с начальником поста для киносъемки сцен киргизского быта. Аул расположен на 5 (?) верст выше старого поста. Последний — грустная развалина. В ауле пили чай, кумыс по положению. Место хорошее — обширный луг на лев[ом] берегу Мургаба... Удалось даже снять улак<sup>30</sup>. Сняли установку юрты, группу киргизов, панораму кочевья и кутасов с телятами» (л. 9об).

После прибытия на Памирский пост началось исследование района. Приведу ряд обширных выдержек из дневника, посвященных этим поездкам:

«2 сентября

На Мургабе летают чайки! Около поста много землероек...

Ур[очище] и ст[анция] Чукубай. Приехали в 6.15 веч[ера] 2 сентября. От поворота на Кара-су и до скалистого (известняка) ущ[елья] Чукубая интересные террасы из мелового галечника переслоенного песком. Всевозможные формы выветривания. Удоды. По дороге сурки...

Ночью замерзла вода.

Чатыр-таш. Пост[авлена] юрта около разрушенного рабата. Приехали в 3 ч. дня.

Анероид на пер. Нейза-таш. 11 дня. 4 сентября.

На перевале во всю дорогу сильный дождь, ветер.

Здесь снова выходят граниты, идем по валунам.

5 сент[ября] 1923 г. Чатыр-таш, юрта 7 ч. утра...

Бездека ходил вчера на Чатыр-таш. Оказалось все из известняка; на верху его обломки сланцев и гранита (выветривание)...

5 сентября, 4 ч. веч[ера] на ручье, что западнее Бузола-гумбеза.

Выехали из Чатыр-таша в 7.30. Было ясно, морозно. Сильный ветер провожал почти всю дорогу и только теперь стих. На Баш-гумбезе сделали привал у амина<sup>31</sup> где пили чай и уничтожили тьму баурсаков. Снимали там киргизов. В ущелье видна бывшая морена... Дальше у ручья Гарум-

ды выпячивается эффектная морена полностью состоящая из гранита. Отсюда к западу морены не прекращаются и завершаются огромными аличурскими моренами, перегораживающими высоким гребнем Сасыккульскую половину Аличур[ской] долины. Эти огромные валы почему-то на карте отсутствуют. По дороге встречались сурки, пара ласточек и стайка красных уток...

6 сент[ября]... Оз. Яшиль-куль. Устье р. Б[ольшой] Марджанай. Аул.

Выехали из Бузола-гумбеца в 7.20 и тотчас вступили на морены, какие, оказывается, сплошь занимают всю аличурскую долину, оставляя для реки узкий местами расширяющийся проход. На 8-й версте встречается первое морен[ное] озеро..., около 200 саж[еней] по наибольшему протяжению, за ним показались второе, третье — одним словом ряд озер, резко выделяющихся синевой на желтом фоне морен... Я попробовал в одном из них воду (в озере из группы Ак-джар, все они по видимому стекают в Аличур) и она оказалась пресной и вкусной. Пройдя эти озера, мы пошли в сторону одного из них оврагом, правый берег которого сложен глинами (местами ил с песком и мелкая галька), обрывист, по этому обрывист[ому] берегу и названо все урочище «Ак-джар». В версте от входа в овраг видны к ю[го]-зап[аду] морены Ак-джар. Дальше тропа идет частью по узкой болотистой пойме... На буграх морен, в низинах элимус<sup>32</sup>, акантолимон<sup>33</sup>, астрагалы... и много, конечно, терескена<sup>34</sup>. Около мазаров Сурме-таш мы спустились к Аличуру, который здесь образует много стариц, рукавов и его пойма представляет сочный зеленый луг. Озеро живописно. Я снял его в трех разных видах, из них один зафиксировал оригинальную лагуну, отделявшуюся от озера узкой песчаной косой. Озеро завального типа с речными извилинами.

Морены... больше несут гранит, валуны, иногда очень характерного выветривания. Ближе к озеру с пустынным загаром. При устье Марджаная (слева) выходят граниты. Б[ольшой] Марджанай широкое ущелье с хорошим подножным кормом. Мы остановились у киргиз, только что пришедших сюда сверху. Попали в момент когда... «драли козла»<sup>35</sup>. Топят здесь корнями ивняка. Торчит коротким стеблем из земли. Растет здесь и ниже по всем притонам» (л. 9об. —12).

Тогда же Н.Л. Корженевским была записана интересная легенда о возникновении озера Яшиль-куль, рассказанная проводником экспедиции Казы-баем, стариком 77 лет, «знающим на Памире всех и все с 1894 года»:

«Лет 300 тому назад, говорят старики, на месте озера был огромный кишлак. Раз вечером приходит туда старик и просится ночевать. Сколько старик ни обошел, никто не пустил. Тогда попросился он в последний самый бедный двор, принадлежавший одной старухе. Та впустила его, но сказала, что принять гостя ей нечем, нет хлеба, молока, а есть только курица. Курицу эту она сварила и накормила странника. Утром рано странник встал и сказал старухе: Кампырчик, выйди на гору! Та послушалась и вышла. Только старуха поднялась (так что это место и теперь называется Кампырчик<sup>36</sup>) как хлынула вода и затопила весь богатый кишлак. И еще совсем недавно, продолжал Казы-бай, по ночам киргизы слышали, как в озере лаяли собаки и ревели верблюды. Теперь это прекратилось» (л. 12).

11 сентября экспедиция выехала из аула на р. Большой Марджанай и двинулась обратно правым берегом озера Яшиль-куль. Н. Л. Корженевский отмечает, что хотя на карте, приложенной к работе А. В. Муханова «Памирский район»<sup>37</sup>, показано наличие разработанной колесной дороги, «но в действительности не только колесной, но просто сносной вьючной тропы нет». Это и неудивительно: работа Муханова вышла в 1912 г., то есть прошло более 11 лет с момента составления карты. А учитывая, что дороги на Памире вследствие природных условий требовали постоянного надзора и ремонта после зимы, а такового не производилось с 1917 г., то вполне понятно, почему от дороги, отмеченной на карте, приложенной к работе А. В. Муханова, не осталось и следа. Плохое состояние дорог на Памире после 1917 г. отмечает и И. Д. Ягелло в своей публикации «Памир. Военно-географический очерк» от 19—27 июня 1922 г.: «Пост Памирский был связан хорошей колесной дорогой с Алайской долиной, следовательно и Ошем, благодаря разработке перевала Кизил-Арт, но за последние 4 года, с 1918 по 1922 г., ремонта никакого не производилось и перевалы начинают засыпаться с крутых склонов»<sup>38</sup>.

Поэтому экспедиции перед р. Малый Марджанай пришлось двигаться по озеру в обход скал. Далее в дневнике следует описание проходимых экспедицией мест и одного из завальных озер:

«Из ущелья между М[алым] и Б[ольшим] Марджанаем выползает большая морена; напротив ее также видны морены выходящие из... ущелий. Склон к озеру порос большими *Heraclium*'ами<sup>39</sup>, кустиками роз и смородинами (невкусная). На отмелях масса мальков рыбы — очевидно в озере ее много. Много насекомых — бабочек, кузнечиков. Озеро извивается как река, что хорошо видно с пер[евала] Буромал... Прекрасно видна сама плотина и воронка откуда обрушились массы. Общее протяжение плотины по реке около версты, высота над уровнем незначительная. Аличур проходит левой стороной завала» (л. 12об. — 13).

Дальнейший путь Н. Л. Корженевский описывает следующим образом:

«Подъем Буромал довольно крутой, но для людей нетрудный. Поднялись сюда не без труда и наши верблюды с вьюками. Спуск несколько положе, но длиннее, приводит в тугай при устье р. Лянгар. Тут маленькая таджикская летовка, но безлюдная. На перевале граниты... Дальше по ущелью сносная тропа идет берегом реки, пересекая конусы выносов и остатки древних морен Лянгарского ледника. Пройдя 2 в[ерсты] за 2-й, в сумерках остановились на пойме в таджик[ской] летовке равносильной обычному(?) загону. Встретили нас здесь превосходно. Принесли «пай»<sup>40</sup>, кислое молоко, продали барашка и т. д. Утром на другой день снял кинематографич[ески] несколько сцен. За летовкой подъем на древние морены. Влево, около пирамид[ального] пика ледник. Около 9 ч. утра получили данные и в 1 день достигли широкой седловины перевала, украшенной небольшим озерком. Всюду гранит. Не достигая 2-х верст до перевала посередине ущелья обтес[анные] граниты с ясной ледн[иковой] штриховкой особенно отчетливой на пустынном загаре. Под перевалом (в версте) слева, если считать по дороге, еще кажется 2 висячих ледника. Снега на перевале не было и таковой оказался лишь на противоположной стороне и то небольшими пятнами. На другой стороне тоже озерко, более,

чем на южной. Некрутой спуск привел в обширный цирк с остатками моренных отложений. Здесь тоже несколько ниже выступают граниты с ясной штриховкой» (л. 13—13об).

На ночь, пройдя небольшое озерко, экспедиция остановилась в таджикской летовке. Ночью вода в озерке замерзла. Стояла густая пыль. Об увиденном в дневнике сообщается следующее:

«Пройдя небольшое озерко мы достигли таджикской летовки и там заночевали. Эта летовка помещалась в крупной и крутой осыпи на перешейке между озерами. Их здесь три вытянутых по длине ущелья нитками. Величина их почти одинакова, большие расположены к северу. Здесь они достигают длины почти 2 в[ерсты] при ширине около 300—400 саж[е-ней]. О глубине сказать ничего нельзя — по-видимому, они не глубоки. Цвет воды у всех бирюзовый... По берегам этих озер пробивается множество ручейков, что делает прибрежную полосу почти непроходимой и приходится держаться ближе к горам, пересекая бесчисленные осыпи. Уклон долины до конца озер небольшой, но тотчас за последним озером приходится круто спускаться с морен, проходя без тропы одну осыпь за другой. Перед поворотом к послед[нему] озерку от дороги хорошо виден висячий ледник. Верст на 5 ниже от озерка расширение занятое озерком Туз-куль. Склон долины отсюда становится еще резче. При выходе речки из Туз-куля слева впадает буйный ручей, вытекающий из ледника, расположенного на высоте 200—300 фут над дном долины. Это, по-видимому, наибольший летник из всех встреченных на этом пересечении хребта. Он долинного типа... За Туз-кулем ущелье Лянгара (Ирхт-Шарвидо по тадж[икски]) принимает характер коридора с отвесными стенами гранитов с осыпями и обвалами, по которым ехать сущее наказание. Тропы, конечно, никакой. Усугубляется положение еще тем, что селевые потоки разрыли глубокими рвами почти все выносы. К вечеру мы попали в Ирхт, безлюдный кишлак таджиков в 5—6 камен[ных] кибиток. Все жители убирали хлеб на Гунте. Перед Ирхтом завалы дают несколько озерных растений, занятых тугаями с зарослями берез и замечательно толстоствольной облепихой» (л. 14—14об.)

Предполагалось осмотреть Усойский завал и оценить состояние Сарезского озера. 10 сентября в 8.30 утра экспедиция выступила в путь из кишлака Ирхт. Об этом Корженевский пишет в дневнике:

«Брод через Шарвидо нашли выше кишлака версты 2 и, несмотря на потерю времени, в 9 ч. были на вершине увала, коей отделяет Ирхтский залив от кишлака. Вид на залив очень эффектен. Он подошел вплотную к теснине к[оторой] сдавливается р. Шавидо и [она] затопила при входе в нее деревья. Отсюда тропа идет к левому берегу залива и через несколько сажен принимает характер узкого прерывистого и высоко расположенного карниза. Несколько участков этого карниза явно опасны и по ним приходится ползти, цепляясь за небольшие и не всегда надежные выступы коренной породы (гранит и сланцы). Озеро энергично подмывает берега и весь бок залива, по которому ходят таджики, [и он] стал крайне неустойчивым. Хотя мы прошли эти места и выбрались на безопасную тропу, пересекающую отрог, вдавшийся в озеро, три раза происходили обвалы, причем один раз обрушилась целая скала с внушительным грохотом. В 1 ч. дня мы прошли все карнизы



и были в безопасности. С нами был только киргиз “тюячи”<sup>41</sup>. Таджики, взятый с предыдущей летовки, удрал... и дальнейшей дороги никто из нас не знал. Оставалось идти еще верст 5... Мне предлагали закончить экскурсию на завал, [куда идти] нечего было и думать. Остаться же еще на 2 дня не позволял нам общий расчет времени, поэтому решено было двинуться назад и постараться собрать сведения о состоянии завала. В этом отношении мне неожиданно повезло. Вернувшись в кишлак без обуви и [с] исцарапан[ными] руками мы встретили там 2-х таджиков приведенных нашим проводником, из коих один Мамат-Нияз из Нисура оказался старым аксакалом и что главное наблюдателем завала, назначенным для этой цели кап[итаном] Шпилько<sup>42</sup>. Лучшего знатока Сарезского озера искать не приходилось. Прежде всего, оказалось, что со времени Преображенского<sup>43</sup> («господин с лодочкой», по определению Мамат-Нияза) 41 столб Шпилько покрыт водой и над последним столбом вода поднялась, по его определению, не менее чем на 20 саж[ень]. В длину озеро ушло за устье р. Кара-булак, и сейчас его граница находится между Кара-булаком и устьем Пшарта, т. е. достигло длины до 70 верст! Уровень озера колеблется, и за последние 2 года испытал понижение: в прошлом году уровень понизился на 1 арш[ин]; нынче почти на 1 сажень. Вода озера фильтруется 9-ю ручьями, располагающимися один под другим (нет бы по трещине). Ниже они сливаются в один мощный поток, раз в 5—6 больший, чем Шарвидо-Ирхт, т. е. около 8—10 куб[ических] саж[ень] в сек[унду]. Перейти на лошади его невозможно и только ниже Барчидива, где восстановленный Бартанг, разделенный на рукава, возможно переплыть на другую сторону. В нижней части Бартанг прорыл крутотесное ущелье. От места выхода верхнего потока до вершины завала не менее 100 арш[ин]. Озеро Шадау по-видимому осталось без изменений, до сих пор не имеет стока» (л. 14об. —16).

Осмотром и сбором опросных сведений была окончена основная часть плановых работ экспедиции. 11 сентября, как упоминалось выше, экспедиция двинулась в обратный путь. Переночевав на таджикской летовке у южного склона Лянгарского хребта, 12 сентября исследователи двинулись далее. В 10.30 перевалили гребень перевала Лянгар-кутал. Затем экспедиция остановилась в летовке на перевале в ущелье Лянгар. 13 сентября был разбит бивак в тугае на реке Лянгар. Потом через перевал Буро-милль экспедиция достигла озера Яшиль-куль, а 14 сентября была в кочевье киргизов на Большом Марджанае. На следующий день, 15 сентября, члены экспедиции достигли урочища Бузола и долины реки Аличур. В 4 ч. прибыли в Баш-гумбез и остановились в кочевье амина. День был мгlistый, над хребтом стояли тучи. В ручье, как отмечается в дневнике, «масса маринки»<sup>44</sup>, а также есть «какой-то мелкий грызун». 16 сентября, проехав 4 часа, остановились в кочевье Мама-заир-булак. Остановка была сделана здесь, так как оказалось, что на Гуджибае нет воды. По сообщению Корженевского, «здесь три юрты, прижавшиеся к скалам известняка, перемятого самым изумит[ельным] образом» (л. 16—16об)

Через перевал Нейза-таш 17 сентября экспедиция добралась до Памирского поста. В дневнике 18 сентября об этом записано следующее:

«Пришли вчера в 6 ч. веч[ера] и были любезно помещены в отд[ельной] комнате, несмотря на перенаселение поста сменяющимися. По дороге к Чукурбаю смотрели террасы к[отор]ые тянутся до Мургаба. Местами их насчитывается до 5. Внизу гл[авная] терраса 15 саж. Сложены мелким галеч[ником] и прикрыты сверху конгломерат[ным] панцирем. Около Джаман-тала правая терраса из илистых отложений с выраженными крупными валунами. Сегодня пасмурно — погода мгlistая» (л. 17).

Далее, до 2 октября, то есть когда экспедиция уже прибыла в Ош, в дневнике нет записей. Н.Л. Корженевский объясняет это так: «Только сейчас, спустя много времени после выезда с П[амирского] поста, смог взяться за перо и записать похождения. Помехой служили гл[авным] об[разом] те обстоятельства, среди которых мы путешествовали, и еще ужасные холода, к[оторы]е установились с момента выхода с поста» (л. 17об.)

Далее Корженевский сообщает следующее: «Выступили мы с поста 19-го сент[ября] опять с Казыбаем и конвоем в 5 челов[ек] памирцев <sup>45</sup> надежных, но очень грубых ребят. 20-го числа перевалили Акбайтал и 21-го вступили на могучие морены Алич[урского] ледника. По реке Музкол встретили 2 стада архаров. По-видимому, их тут никто не беспокоит. Места очень глухие, хотя тропа довольно набитая. Видимо, раньше здесь ездили много» (л. 17об.)

Далее движение продолжалось. 20 сентября, переночевав в рабате Ак-байтал, экспедиция через перевалы Ак-байтал, Муз-кол (21 сентября), Кокуй-бель (22 сентября) продолжала движение на север. Перейдя 23 сентября реку Джуруй (Муз-кол), мимо озера Кара-куль (24 сентября), Бардобы (25 сентября) и Ак-босаги (27 сентября), обычной дорогой всех двигающихся на Памир и с Памира экспедиция приближалась к Ошу (л. 17об. —18).

Судя по записям в дневнике, возвращение сопровождалось попытками продолжить изучение проходимых районов, что было сопряжено с большими трудностями и препятствиями: «При спуске с морен к оз. Кара-кулью нас встретил ураган, несший тучи пыли и пока мы доехали до Кокуй-беля <...> ночью (?) меня основательно проняло, и я заболел... С Кокуй-беля выступили на Кок-джар 22-го, но поднявшись на перевал Апак-су я почувствовал себя плохо. У меня начался жар, и мы решили отложить путешествие на Танымас и повернули на присоединение к отряду. Все вышло к лучшему, хотя и жаль было, не доехав одного перехода до цели, отступить... Погода уже испортилась, и только мы пришли на Музкол (около озера) как пошел снег и прикрыл и без того скудный подножный корм. На другой день 23 сент[ября]поздно вечером мы с трудом дотащились до рабата Тукур-бай... Мы присоединились к отряду, рассчитывая не без основания на их помощь в случае катастрофы с нашими лошадьми. Поднимаясь на Уй-булак, я обратил внимание, что перешеек полуострова на оз. Муз-кол исчез и на его месте образовался остров. Это было очень интересно... [Я] решил сфотографировать эту часть озера и теперь остров. Между прочим на стороне озера, где впадает Муз-кол, ... видно 3 террасы на восточ[ном] берегу залива... Тоже... видно и на острове в этом заливе... На морене нас встретил ужасный ветер, от которого ничто не спасает. Смерчи носились по всему пространству(?)...



Один из них налетел на нас и чуть не сбросил на землю. Такой силы я даже не предполагал встретить. Это был буквально удар. На секунду мы были в полной тишине. В Бар-добу попали при яркой луне поздно вечером (около 9 ч. веч.), ночевали и на другой день дальше. В Сары-таше лежит снег (шли все время под снегом) и мы решили идти на Босагу. Шли до часу ночи... С великим трудом перевалили Талдык и спустились к аулам. В Босаге сделали дневку. Снег там сошел и лошади впервые после Памира паслись как следует» (л. 18—19).

29 сентября экспедиция добралась до Гульчи. Устроили здесь дневку и через Лянгар прибыли в Ош 1 октября. Путешествие было окончено, несмотря на все трудности и лишения, благополучно. Большинство задач, поставленных перед экспедицией, были выполнены успешно.

Как сообщается в «Кратком отчете», 5 октября члены экспедиции прибыли в Ташкент. В основном программа была выполнена. Главные результаты экспедиции описаны в отчете так:

«1) Доставлена на Памирский пост и восстановлена там метеорологическая станция, отсутствие которой в сети было весьма ощутительным.

2) Произведен рекогносцировочный осмотр нового Сарезского озера, поставлены сведения об озере Кара-куль и впервые произведен анализ воды этого крупнейшего Памирского озера.

3) Собрано до 2000 листов гербария, около 200 пакетов семян, клубней и луковиц и описано с количественным учетом растений 52 участка на территории Памира разм[ером] от 25 кв. с[ажень] до 1 кв. версты. Впервые произведено ботанико-географическое описание перехода от перевала Буромал до Сарезского озера, в разрез хребта Базар-дара (сев. Аличурский).

4) Произведено 24 кинематографических снимка, характеризующих быт Памирского кочевого населения, а также горных таджиков. Вместе с этим произведено 50 обыкн[овенных] фотографических снимков, широко иллюстрирующих ландшафты Памира.

5) Переопределены и вновь определены высоты 31 пункта маршрута и произведены наблюдения над температурой вод Памира в 14 пунктах.

6) И наконец, произведена маршрутная съемка пути экспедиции от озера Яшиль-куль через перевал Лянгар-куталь на Сарезкое озеро.

Кроме изложенного, производились всю дорогу срочные метеорологические наблюдения»<sup>46</sup>.

В дальнейшем Николай Леопольдович почти каждый год ездил в экспедиции на Памир и в другие горные уголки Средней Азии. Чтобы создать более полный образ Н.Л. Корженевского как ученого, приведем краткие сведения о дальнейшей его научной и экспедиционной деятельности.

Летом 1924 г. Корженевский совершает экспедицию в бассейн реки Мук-су, изучавшийся им ранее (1904, 1910, 1914 годы)<sup>47</sup>. В 1925 г. Николай Леопольдович вновь на Памире, где проводит исследования одного из самых труднодоступных районов Памира — верховьев реки Танымас. Изучены озера Кара-куль, Яшиль-куль и Сарезское<sup>48</sup>. В 1926 г. Н.Л. Корженевский взшел на крупнейший на Памире ледник — ледник Федченко. Богатый собранный материал был обобщен в работе «Муксу и ее ледники»<sup>49</sup>. В 1927 г. Н.Л. Корженевский руководил экспедицией в центральный Тянь-Шань. Сюда, к верховьям реки Нарын, экспедиция была

снаряжена Гидрометеорологическим отделом Среднеазиатского метеорологического института (Средазмет) для изучения зависимости стока р. Нарын от метеорологических факторов<sup>50</sup>.

В 1928 г. Н.Л. Корженевский участвовал в Советско-германской экспедиции<sup>51</sup>, одним из организаторов которой являлась АН СССР<sup>52</sup>. Сам Корженевский отмечал, что «по обширности доставленного материала и по количеству вовлеченных научных работников и полноте исследования наиболее труднодоступных ледниковых областей Памира эта экспедиция по праву может считаться крупнейшей в исследовании ледников за истекшее время»<sup>53</sup>. В составе экспедиции Н.Л. Корженевский изучал природу и особенности орографической и оледенения Алайской долины, к востоку от Сарыташа<sup>54</sup>.

В 1929 г. Николай Леопольдович руководил экспедицией Гидрометеорологического отдела Средазмета в Западном Тянь-Шане. Учеными были обследованы ледники бассейнов рек Пскем, Талас и Сусамыр<sup>55</sup>.

В мае 1930 г. Н.Л. Корженевский в составе экспедиции треста «Каучуконос» посещает хребет Каратау. Изучаются районы произрастания таусагыза. К сожалению, результаты исследований Н.Л. Корженевского не были нигде опубликованы. В 1932 г. Николай Леопольдович возглавлял снаряженную Бюро подземных вод экспедицию по изучению ледников Киргизского хребта<sup>56</sup>.

В Таджикско-Памирской экспедиции 1934 г. Н.Л. Корженевский возглавлял один из отрядов. Им было обследовано озеро Кара-куль. На основании собственных исследований этого озера (1903, 1923, 1925, 1934 гг.) и целого ряда других источников и сообщений он подготовил фундаментальный труд «Озеро Кара-Куль»<sup>57</sup>, не утративший своего значения до сих пор.

В 1932—1935 гг. под руководством Н.Л. Корженевского проводились геоморфологические и гляциологические исследования в бассейне р. Исфайрамсай. На основе значительного материала этой экспедиции, а также своих личных наблюдений (1904, 1910, 1914, 1920, 1924 и 1934 гг.), Николай Леопольдович написал очерк об одной из типичных рек Ферганской долины, Исфайрамсай<sup>58</sup>.

Летом 1936 и 1937 гг. Н.Л. Корженевский проводил исследования на ледниках бассейна р. Сох по заданию Среднеазиатского гидрометеорологического института. К сожалению, результаты этих экспедиций опубликованы не были.

Н.Л. Корженевский является автором более ста научных работ, большая часть которых стала результатом его полевых исследований<sup>59</sup>. Так, Николай Леопольдович написал первый учебник по физической географии Средней Азии, вышедший в 1922 года<sup>60</sup>. В нем были систематизированы и обобщены как собранные им самим, так и другие накопившиеся к тому времени данные. Третье издание этого труда, значительно переработанное и дополненное, вышло в 1941 году<sup>61</sup>. В 1926 г. Николай Леопольдович начал составлять впоследствии знаменитый каталог ледников Средней Азии<sup>62</sup>. Большой интерес представляет еще одна его работа, в которой обобщены гляциологические исследования Средней Азии, «К вопросу о морфологических типах ледников Средней Азии и возможной их классификации»<sup>63</sup>. Уже после смерти Н.Л. Корженевского были

опубликованы еще две его работы — «Природа Средней Азии»<sup>64</sup> и «Геоморфология и оледенение Памиро-Алая»<sup>65</sup>.

Помимо экспедиционной деятельности, продолжал Николай Леопольдович и свою научно-педагогическую работу. Так, в 1937 г. ему без защиты диссертации была присуждена научная степень доктора географических наук, а через два года он получил звание Заслуженного деятеля науки Узбекской ССР. Его дважды награждали орденом Трудового Красного Знамени за педагогическую и научную деятельность. В 1947 г. Н.Л. Корженевский был избран членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР. Николай Леопольдович до конца своих дней заведовал кафедрой физической географии Ташкентского государственного университета. В 1957—1958 гг. Н.Л. Корженевский являлся научным консультантом экспедиции АН УзССР на ледник Федченко, согласно программе Международного геофизического года<sup>66</sup>. Н.Л. Корженевский стал основателем среднеазиатской описательно-географической школы, представители которой и сегодня являются ведущими учеными-географами Узбекистана<sup>67</sup>. Скончался Николай Леопольдович 31 октября 1958 г., на восьмидесятом году жизни, оставив большое научное наследие и множество учеников.

#### *Примечания*

1. Илария Алексеевна Райкова (1896—1981) — российский, советский, узбекский, таджикский ученый, биолог, географ, путешественник, крупнейший специалист в области ботаники, педагог, исследователь-практик, доктор биологических наук (1944), профессор Среднеазиатского государственного университета (САГУ) (1945), Заслуженный деятель науки Узбекской ССР (1945), член-корреспондент АН Узбекской ССР (1956), почетный член Русского Ботанического общества и Русского географического общества (1970). О ее деятельности см.: ДОНЦОВА З.Н. Илария Алексеевна Райкова, 1896—1981. Л. 1988; ЮСУФБЕКОВ Х.Ю., НИГМАТУЛЛИН Ф.Г. Выдающийся исследователь Памира — Илария Алексеевна Райкова (к 80-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности). — Известия АН ТаджССР. Отделение биологических наук. Душанбе. 1977. № 2 (67), с. 87—89.
2. БЕЗДЕКА И.И. Месторождения полезных ископаемых Таджикской Республики. — Таджикистан. Ташкент. 1925, с. 245—266.
3. БАСХАНОВ М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М. 2005, с. 120; ПЭТЭРС П.Ф. Памирские путешествия Николая Корженевского. Избранное из неопубликованного полевого дневника. — Вопросы истории, естествознания и техники. 1998, № 2, с. 54—55. Подробнее о деятельности Н.Л. Корженевского см.: РАЦЕК В.И. Н.Л. Корженевский, исследователь Памира. Ташкент. 1977.
4. ПЭТЭРС П.Ф. Ук. соч., с. 56.
5. В скобках указаны даты по григорианскому календарю.
6. Путешествие Н.Л. Корженевского по Памирам, Шугнану и Вахану. — Ежегодник Русского Горного общества (ЕРГО). 1903, т. 3, с. 136—138; КОРЖЕНЕВСКИЙ Н.Л. Поездка на Памиры, Вахан и Шугнан в 1903 г. — Труды Общества землеведения при Санкт-Петербургском университете (ТОЗ). 1906, т. I, с. 103—118; ПЭТЭРС П.Ф. Ук. соч., с. 55—68.
7. КОРЖЕНЕВСКИЙ Н.Л. По реке Мук-су (От Памира до Каратегина). — ЕРГО. 1905, т. V, с. 77—94. То же — Туркестанские ведомости. 1904. № 159.
8. КОРЖЕНЕВСКИЙ Н.Л. По алайским перевалам. Перевалы Шют. Перевал Кальтабоз. — ЕРГО. 1905, т. V, с. 95—106. Туркестанские ведомости. 1905. № 108.
9. РАЦЕК В.И. Пять высочайших вершин СССР. Ташкент. 1975, с. 35—36.

10. Ташкентский государственный университет имени В.И. Ленина. Ташкент. 1990, с. 222.
11. ПЭТЭРС П.Ф. Ук. соч., с. 80.
12. КОРЖЕНЕВСКИЙ Н.Л. Экспедиция для исследования Алма-атинской катастрофы (8 июля 1921 г.). — Военная мысль. Ташкент. 1921, № 3.
13. ЕГО ЖЕ. О постановке меток на леднике Аксу северного склона хребта Кунгей-Алатау. — Известия Туркестанского отдела Русского географического общества (ИТОРГО). 1922, т. XV, с. 28—29.
14. ЕГО ЖЕ. В пустыне Муюн-Кум (путевые заметки). — Новый мир. 1922. № 4—5, с. 117—125; ЕГО ЖЕ. Экспедиция Туркестанского отделения русского географического общества в Муюнкумы летом 1922 г. (Маршрут и наблюдение над озерами). Из предварительного сообщения. — ИТОРГО. 1922, т. XV, с. 30; ЕГО ЖЕ. О новых гипсометрических данных пустыни Муюнкум (предварительное сообщение). — ИТОРГО. 1923, т. XVI, с. 149—152; КАШКАРОВ Д.Н. Очерк животной жизни в пустыне Муюн-Кумы. — Новый мир. 1922. № 6—7, с. 171—179; КРАМАЛЕЙ И.И. Барометрическая нивелировка маршрута экспедиции в пустыню Муюн-кум в мае и июне 1922 года. — ИТОРГО. 1923. Т. XVI, с. 153—155.
15. КОРЖЕНЕВСКИЙ Н.Л. Краткий отчет о поездке на Памир летом 1923 г. — ИТОРГО. 1924, т. XVII, с. 87.
16. Санжар (Санджар, Сейд) Сейтджафарович (Сейтжапарович) Асфендияров (1889—1938) — военный врач, государственный деятель (нарком здравоохранения, нарком земледелия Туркестанской АССР, нарком здравоохранения Казахской АССР), ученый, профессор. Занимал ряд высоких должностей в Туркестанской АССР, Узбекской ССР и Казахской ССР. Подробнее о нем см.: КАМАЛИЕВ М.А. С.Д. Асфендияров: жизнь — подвиг (к 125-летию со дня рождения). — Вестник КазНМУ. 2014. № 2(4), с. 226—229; ДЖУНИСБАЕВ А.А. Ученические и студенческие годы С.Д. Асфендиярова (1889—1912 гг.). — Проблемы современной исторической науки: новые направления и подходы. Матер. междунар. «Бекмахановских чтений». Алматы. 2010, с. 147—151.
17. Национальный архив Узбекистана (НАУз), ф. Р-25, оп. 1, д. 1334, л. 8.
18. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М. 1943, с. 339—340.
19. НАУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 1334, л. 9.
20. Там же, л. 10.
21. МАХМУДОВ О.А. На «окраине» бывшей империи: революционные события, формирование и эволюция органов власти и Гражданская война на Памире (по архивным материалам). — Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917—1922. Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 10—13 июня 2019 г.). СПб. 2020, с. 451—464.
22. БАСХАНОВ М.К. Ук. соч., с. 277.
23. НАУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 805, л. 72—73.
24. КОРЖЕНЕВСКИЙ Н.Л. Краткий отчет..., с. 87—98; РАЙКОВА И.А. Материалы к ботанико-географической характеристике Памира. — ИТОРГО. 1924, т. XVII, с. 61—86.
25. Киргиз, помогавший Н.Л. Корженевскому в его прежних экспедициях на Памир.
26. Север-северо-запад.
27. Астрагал (лат. *astragalus*) — род растений семейства бобовых (Fabaceae), насчитывает более 2455 видов. Род астрагал — один из наиболее полиморфных (разнообразных). Основные формы — кустарники, полукустарники, травы. ГОНЧАРОВ Н.Ф. и др. Род 809. Астрагал — *Astragalus* L. В кн.: Флора СССР, в 30 тт. Т. 12. М.-Л. 1946, с. 1—873.
28. Горéц, или гречишник, гречишка (лат. *polýgonum*) — род одно- или многолетних травянистых растений, реже полукустарников и лиан семейства гречишные (Polygonaceae), насчитывающий более 200 видов, широко распространенных по всему земному шару. АНДРЕЕВА И.И., РОДМАН Л.С. Ботаника. М. 2005, с. 405.
29. НАУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 1527, л. 102.
30. Улак (другие названия: кок-бору, кёк-бёрю, кюк бюре (кирг. дословно «синий/сизый волк» в значении русского выражения «серый волк»), улак-тартыш («борьба за козла») или улак (козел), южно-алт. кёк-бёрү, башк. күк бүре, каз. көкпар, узб. кўпкари) — древняя конно-спортивная игра, популярная среди кыргызов, алтайцев, башкир, казахов, узбеков и других народов Азии. В русском языке для игры кок-бору и ее аналога бузкаши

- также употребляется обозначение «драть козла», хотя на самом деле целью игры является не раздрать тушу козла на части, а завладеть ею, отобрав у соперника. Улак — это сочетание скачек и игры. Всадники борются за тушу козла — необходимо не только завладеть ею, но и удержать, а затем забросить в «казан» (ворота) команды соперника. Игра проводится и по другим правилам. Например, надо добраться с тушей до определенного места, допустить, до своего айла, где противники уже не имеют права бороться за нее. Также распространена разновидность «аламан улак», в которой может участвовать неограниченное число игроков (более тысячи). Игра в улак популярна во многих регионах Центральной Азии и России
31. Н. Л. Корженевский приводит старое название должности, в то время как, по сообщению И. Д. Ягелло, «прежние должности туземных властей — мингбаши, асакалов и аминов упразднены и вместо них образованы волостные и кишлачные ревкомы, состоящие из трех выборных лиц». ЯГЕЛЛО И. Д. Памир. Военно-географический очерк. НАУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 805, л. 52.
  32. Пырейник памирский (лат. *Elymus pamiricus (melderis) tzvelev*). Распространен в Западной Сибири, Центральной Азии, Монголии, Тибете.
  33. Акантолимон (лат. *Acantholimon*) — род деревянистых растений семейства свинчатковые (*plumbaginaceae*). Виды рода Акантолимон встречаются в Европе, Центральной Азии и Юго-Западной Азии, Китае и Пакистане.
  34. Крашенинниковия терескеновая, или терескен обыкновенный, или терескен роговидный, или терескен серый, или терескен хохолковый (лат. *Krascheninnikovia ceratoides*) — многолетнее травянистое растение; вид рода крашенинниковия (*krascheninnikovia*) семейства амарантовые (*amaranthaceae*). Ареал — южнопалеарктический (Западные Карпаты, юг европейской части России, Причерноморье, Крым, нижние Волга и Дон, Средиземноморье (Испания, Северная Африка), Передняя, Средняя и Центральная Азия, Кавказ, Северная Монголия, Китай, Гималаи), в Сибири редок (встречается на юге и в Ангаро-Саянском районе). Кормовое растение для степной, полупустынной и высокогорной местности. Питательный корм для овец и верблюдов. На Памире корень терескена заготавливается на топливо. ЮСУФБЕКОВ Х. Ю., КАСАЧ А. Е. Терескен на Памире. Душанбе. 1972с.
  35. Играли в «улак». См. примечание выше.
  36. Как отмечал в дневнике Н. Л. Корженевский, Кампырчик — «грозный скалистый полуостров около 200 саж[еней] длиною» (л. 12об.).
  37. МУХАНОВ А. В. Памирский район. Ташкент. 1912.
  38. ЯГЕЛЛО И. Д. Памир. Военно-географический очерк. НАУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 805, л. 47об.
  39. Борщевик (лат. *Heracléum*) — род растений семейства зонтичные, насчитывающий, по некоторым данным, 52 вида; распространен в умеренном поясе Восточного полушария (один вид — в Северной Америке). Разные виды борщевика выращиваются как декоративные растения, часть — как силосные на корм скоту, некоторые годятся в пищу и человеку. Часть видов (относящиеся к секции *Pubescentia* Manden) содержит фотосенсибилизирующие вещества (фуранокумарины), вызывающие фитофотодерматит, раковые опухоли и врожденные уродства у людей и животных.
  40. Мясное блюдо.
  41. Погонщик верблюдов, от слова «туя», верблюд.
  42. Григорий Андреевич Шпилько (1872—1936) — полковник Генерального Штаба, в 1912—1914 гг. начальник Памирского отряда. В сентябре-октябре 1913 г. предпринял первое обстоятельное исследование Сарезского озера. ШПИЛЬКО Г. А. Землетрясение 1911 года на Памирах и его последствия. ИТОРГО. 1914. Т. X. Вып. 1, с. 202—231; ЕГО ЖЕ. Протокол № 3 общего годового собрания ТОРГО. — ИТОРГО. 1916, т. XII, вып. 2, с. 276—277; ЕГО ЖЕ. Новые сведения об Усойском завале и Сарезском озере. — ИТОРГО. 1915, т. XI, вып. 2, ч. 2, с. 60—62; Рапорт начальника Памирского отряда Шпилько начальнику Штаба ТуркВО. 28 февраля 1914 г. — Научный архив Русского географического общества (НА РГО), разряд 103, оп. 1, д. 39, л. 2—3; Письмо начальника Памирского отряда Г. А. Шпилько Д. Д. Букиничу от 4 февраля 1914 г. — НАУз, ф. Р-2243, оп. 1, д. 376, л. 1—4; БАСХАНОВ М. К. Ук. соч., с. 273—274; ЗАХАРЧЕВ Н. А. Тайны Памирского поста. Ульяновск. 2014, с. 146—148.



43. Имеется в виду Иван Александрович Преображенский (1888—1956) — профессор, доктор геолого-минералогических наук, первым исследовавший Усойский завал в 1915 г. и опубликовавший результаты своих исследований в 1920 г. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ И. А. Усойский завал. В кн.: Материалы по общей и прикладной геологии. М. 1920, вып. 14, с. 1—20.
44. Маринки (лат. Schizothorax) или «акбалык» (белая рыба) — род рыб семейства карповых. Эти рыбы обитают в реках и озёрах Центральной и Средней Азии, Казахстане, а также на Украине, часто на реке Южный Буг.
45. Под «памирцами» здесь имеются в виду служившие в Памирском отряде солдаты.
46. КОРЖЕНЕВСКИЙ Н. Л. Краткий отчет..., с. 95.
47. ЕГО ЖЕ. Предварительный отчет об осмотре ледников в верховьях р. Муксу летом 1924 г. — ИТОРГО. 1924, т. XVII, с. 55—60; ЕГО ЖЕ. Результаты осмотра ледников в верховьях р. Муксу летом 1924 года. — Вестник ирригации. Ташкент. 1924. № 9, с. 50—57.
48. ЕГО ЖЕ. Истоки реки Танымас. Предварительное сообщение о поездке на Памир летом 1925 г. Ташкент. 1926; ЕГО ЖЕ. Озеро Яшиль-Куль. Материалы к лимнологии Памира. — Известия Общества по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент. 1928. Вып. 1, с. 184—195.
49. ЕГО ЖЕ. Муксу и ее ледники. — Труды Гидрометеорологического отдела Среднеазиатского метеорологического института (ТГОС). Ташкент. 1927. т. I. вып. I, с. 1—59.
50. ДАВЫДОВ Л. К., КОРЖЕНЕВСКИЙ Н. Л. Влияние метеорологических факторов на режим реки Нарын. — ТГОС. 1929, т. I, вып. 2, с. 79—144.
51. Ташкентский государственный университет..., с. 222.
52. Труды Памирской экспедиции (ТПЭ) 1928 г. Вып. 1—8. Л. 1929; RICKMER-RICKMERS W. Alai! Alai! Arbeiten und Erlebnisse einer deutsch-russischen Alai-Pamir-Expedition. Brockhaus-Verlag. Leipzig. 1930; Wissenschaftlichen Ergebnisse der Alai-Pamir Expedition. Ed. Heinrich von Ficker. 1928. 6 vols. Reimer. Berlin. 1932; Краткий предварительный отчет о работах Советской группы Памирской экспедиции Академии Наук СССР в 1928 году. — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПб-ФРАН), ф. 138, оп. 1—1928, д. 174, л. 90—97об.
53. КОРЖЕНЕВСКИЙ Н. Л. Краткий обзор исследования ледников Средней Азии с 1907 по 1932 год. — Известия Государственного Географического Общества (ИГГО). 1934, т. 66, вып. 4, с. 556—563.
54. ЕГО ЖЕ. Алайская долина. Орогидрография и оледенение. — ТПЭ. 1928 г. Л. 1930, вып. 3, с. 1—62.
55. ЕГО ЖЕ. Отчет о поездке на ледники р. Пскем, Талас и Сусамыр 1929 г. — Приложение к Декадному бюллетеню Среднеазиатского метеорологического института. Ташкент. 1931.
56. ЕГО ЖЕ. Некоторые результаты физико-географических наблюдений в Средней части Александровского хребта в 1932 г. — Материалы по гидрогеологии Узбекистана. Ташкент. 1933, вып. 15.
57. ЕГО ЖЕ. Озеро Кара-Куль (Физ.-геол. очерк) — Труды Таджикско-Памирской экспедиции (ТПЭ) 1934 г. Вып. 42. Л. 1936; Рукопись неопубликованной статьи Н. Л. Корженевского «Высокогорное озеро Каракуль» 1952 г. НАУз, ф. Р-2273, оп. 1, д. 22, л. 19—34.
58. ЕГО ЖЕ. Исфайрамсай. Орогидрография и оледенения. — ТПЭ 1934 г. М.-Л. 1936, вып. 71.
59. КОРЖЕНЕВСКИЙ Н. Л. Той (очерк из жизни сартов). — Исторический вестник. 1908, т. 112, вып. 6 (июнь), с. 1003—1012; ЕГО ЖЕ. Очерк Памира. — ТОЗ. 1909, т. II, с. 25—40; ЕГО ЖЕ. В горах Петра Великого. Поездка к ледникам Федченко (Сель-дара) и Мушкетова (Кара-сель). — ТОЗ. 1909, т. III, с. 1—14; ЕГО ЖЕ. Через Памир к Гиндукушу (от Оша до Памирского поста). — Исторический вестник. 1912, т. 127, вып. 2 (февраль), с. 691—732; ЕГО ЖЕ. Поездка Н. Л. Корженевского на озеро Искандер-куль. — ИИТОРГО. 1914, т. X, с. 239—240; ЕГО ЖЕ. На озере Искандер-куль. — ЕРГО. 1911 (1915), т. XI, с. 90—107; ЕГО ЖЕ. Туркестановедение: конспективный курс средней школы. Скобелев. 1919, ч. 1; ЕГО ЖЕ. Замечательные места Искандеровской волости. — Военная мысль. 1921. № 2, с. 78—81; ЕГО ЖЕ. Ландшафты путей из Ферганы на Памир. Ташкент. 1922; ЕГО ЖЕ. Некоторые данные о состоянии ледников Федченко (Сель-дара)

- и Мушкетова (Кара-сель) в 1914 г. — ИТОРГО. 1922, т. XV, с. 23—27; Там же. Список пунктов, в которых Н.Л. Корженевским были определены высоты во время поездок на ледники, с. 27—28; ЕГО ЖЕ. Из наблюдений на Памире летом 1923 г. — Вестник ирригации. 1924. № 1, с. 80—87; ЕГО ЖЕ. Опыт подсчета площади оледенения гор Туркестана. — Вестник ирригации. 1924, № 6. с. 46—57; ЕГО ЖЕ. Устройство поверхности Таджикистана (краткий орографический очерк). Таджикистан. Ташкент. 1925, с. 9—30; ЕГО ЖЕ. Естественно-географический очерк Средней Азии. Вся Средняя Азия. Ташкент. 1926, с. 61—86; ЕГО ЖЕ. Краткий орографический очерк. В кн.: Материалы по районированию Средней Азии. Т. I. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. I. Бухара, гл. 2, с. 17—34. Ташкент. 1926; ЕГО ЖЕ. Озеро Кара-куль (материалы к лимнологии Памира). — Вестник ирригации. 1926. № 7, с. 71—93; ЕГО ЖЕ. О старинных картах, хранящихся в Узбекстанском филиале АН СССР. — Известия Узбекстанского филиала АН СССР. 1941. № 3, с. 67—76; ЕГО ЖЕ. Устюрт. — Бюллетень САГУ. 1947. вып. 25, с. 147—177; ЕГО ЖЕ. К истории развития картографии и географических представлений о территории Средней Азии и Узбекистана в XVIII веке. — Известия АН УзССР. 1949. № 1, с. 46—53; ЕГО ЖЕ. Ледники северного склона Алайского хребта. — Труды САГУ. Новая серия. 1955. Вып. LXIV. Географические науки. Кн. 6.
60. КОРЖЕНЕВСКИЙ Н.Л. Туркестан. Физико-географический очерк. Ташкент. 1922. ЕГО ЖЕ. Средняя Азия. Краткий физико-географический очерк. Ташкент. 1925.
61. ЕГО ЖЕ. Средняя Азия. Краткий физико-географический очерк. Ташкент. 1941.
62. ЕГО ЖЕ. Каталог ледников Средней Азии. Ташкент. 1930.
63. ЕГО ЖЕ. К вопросу о морфологических типах ледников Средней Азии и возможной их классификации. Ташкент. 1926.
64. ЕГО ЖЕ. Природа Средней Азии. — Труды САГУ. Новая серия. 1960. Вып. 183. Географические науки. Кн. 20, с. 1—212 (вып. 1961 г.)
65. ЕГО ЖЕ. Геоморфология и оледенение Памиро-Алая. Ташкент. 1979.
66. ПЭТЭРС П.Ф. Ук. соч., с. 84—85.
67. Ташкентский государственный университет..., с. 223.